

Улыбка Сунцзина на мгновение замерла. В его памяти живо воскрес недавний разговор с господином Линьцзяном — вкрадчивый голос наставника до сих пор звучал в ушах, а перед мысленным взором предстало хитро прищуренное, вечно улыбающееся лицо.

— Это их предопределение, обычное испытание для нынешнего поколения учеников, так что пусть всё идёт своим чередом, — наставлял тот. — Если дело примет скверный оборот и они действительно окажутся в смертельной опасности, то сами разобьют защитные жетоны и вернутся.

Легко сказать. Случись что на самом деле, у них ведь может не оказаться ни единой возможности, ни секунды времени, чтобы спастись.

Цзянь Минну бросил быстрый взгляд на Сунцзина. «Путь в один конец»... Об этой пугающей подробности старший брат раньше даже не заикался.

Заметив этот взгляд, Сунцзин лишь невозмутимо приподнял бровь: сейчас главное — сохранять абсолютное спокойствие. Минну одолевали сомнения, но по безмятежному лицу старшего брата нельзя было сказать, что тот чувствует себя виноватым. Должно быть, он просто напридумывал лишнего.

Остальные ученики промолчали, поэтому и Минну не решился задавать вопросы.

— Не могли бы вы проводить нас в обитель, где прежде жила госпожа? — обратился к их провожатому Сунцзин.

— Разумеется. Прошу за мной, господа, — отозвался Фули. — Первая и третья невесты так и не успели переступить порог нашего поместья, а вот покои второй госпожи находятся совсем близко. После её безвременной кончины там никто не селился.

Фули повёл их по длинной крытой галерее. В запущенном саду сиротливо высились ивы, ещё не успевшие выпустить первые весенние почки. На одной из ветвей примостилась кукушка — её заунывные, протяжные крики резали слух, разносясь над поместьем тоскливым эхом.

Перед ними вырос некогда величественный багряный терем. От долгого запустения он поблёк, резная вывеска и черепичные скаты крыш покрылись толстым слоем пыли, а на тяжёлых деревянных створках ворот висел массивный заржавевший замок.

Фули шагнул вперёд и вставил ключ в скважину. Раздался негромкий скрежет, и ворота со скрипом распахнулись, точно крышка старинной шкатулки, годами хранившей свои мрачные тайны. Гостям открылся вид на внутренний двор.

Весь двор зарос дикой сорной травой. Посреди этого запустения высилась старая раскидистая софора. Прямо у корней дерева чернел зев заброшенного колодца. С его ворот свисал

потрёпанный канат, который медленно покачивался от порывов ветра, со скрипом задевая каменный обод.

— Раньше здесь теплилась жизнь, но потом покои заполонила нечисть, — негромко заговорил Фули. — Слуги шептались, будто по ночам у колодца бродит призрак второй госпожи. Всякий, кто видел её, на следующий день слёг с тяжёлой лихорадкой. В конце концов господин приказал заколотить ворота и забросить этот двор.

Сунцзин, шедший впереди всех, оглядел колодец и обернулся к сопровождавшим его юношам. Его внимательный взгляд скользнул по лицам учеников и остановился на Цзянь Минну.

— Минну, — с лёгкой улыбкой позвал он. — Здесь до сих пор витает неупокоенная обида. Попробуй угадать, где именно она притаилась? Коли угадаешь, вечером куплю тебе твоих любимых сладостей.

Услышав своё имя, Минну вздрогнул. Под одеждой у него всё ещё лежали припрятанные дорожные лакомства, а за спиной послушно покоился Миниатюрный меч.

«Но у меня ведь нет даже крупицы духовных сил... Как я смогу почуять чужую злобу?»

Обычно там, где скапливается смертная тоска и гнев, неизбежно зарождается скверна.

Размышляя об этом, Минну встретился взглядом со старшим братом. Глаза Сунцзина сияли искренним, тёплым предвкушением. Это невольное доверие придало юноше робкой уверенности.

— А если ошибусь... ты ведь не станешь меня наказывать? — тихо спросил Минну.

Он украдкой скосился на Ли Сяохо, но Сунцзин тут же опередил его:

— Конечно не стану. А вот тебе, Ли Сяохо, подсказывать запрещаю. Если пикнешь хоть слово, завтра весь день проведёшь под замком в постоялом дворе.

Ли Сяохо, услышав угрозу, замер как вкопанный и не сделал ни единого движения.

Минну вновь окинул взглядом заброшенный двор. Он посмотрел на обветшалый колодец, раскидистые ветви софоры, на закрытые двери главного здания... Однако лишь стена у колодца заставила его поёжиться — от неё веяло могильным холодом, вызывающим липкое чувство тревоги.

Все замолчали, заинтригованные вопросом Сунцзина. Взоры учеников устремились на Минну.

Видя, что юноша колеблется, Мэй Ханьцзюэ поспешил разрядить обстановку:

— Старший брат Сунцзин, ну зачем ты изводишь младшего? У Минну ведь нет духовных сил, а если он всё-таки угадает, тебе придётся раскошелиться на двойную порцию сластей!

— А если не угадает — что ж, это вполне естественно, — донеслось со стороны.

Цзинь Линсянь скользнул прищуренным взором по фигуре юноши. Он видел, как тот робко озирается по сторонам, точно испуганный оленёнок, пока наконец его взгляд не остановился.

Минну нерешительно поднял руку и указал тонким пальцем на глухую стену прямо за старым колодцем.

Во дворе воцарилась звенящая тишина. Стоявший рядом Фули не понимал, что происходит, но отчётливо уловил, как разом переменялись лица и позы стоявших перед ним заклинателей.

Стоило Минну опустить руку, как он столкнулся взглядом с Цзянь Сюэхэ. Брат Хэ смотрел на него пристально и серьёзно. Сунцзин и Мэй Ханьцзюэ тоже не сводили с него глаз.

— И как же ты догадался? — с неподдельным интересом спросил Сунцзин.

Минну смутился. Сердце его тревожно затрепетало, но он ответил как есть:

— Просто... мне стало там немного не по себе. Очень неудобно.

В глазах Сунцзина промелькнула глубокая тень. Взмахом пальца он начертал в воздухе невидимый знак, и перед ним со свистом соткался сияющий клинок. Меч молнией устремился к указанной стене. Вспышка чистейшего света пробила каменную кладку, из трещин повалил густой иссиня-чёрный дым, и над заброшенным двором раздался истошный, леденящий душу визг.

— Злость и горечь коптились здесь слишком долго, успев породить прикованного к земле духа, — пояснил Сунцзин, возвращая оружие в ножны.

Он бросил лукавый взгляд на юношу:

— Что ж, уговор дороже денег. Вечером, как вернёмся, зайдём в лавку за твоими сладостями.

Минну счёл это чистой случайностью, но спорить не стал и лишь послушно кивнул. Ли Сяохо угрюмо уставился на повреждённую стену и отвёл взгляд лишь спустя долгое время.

— Брат Сунцзин, нечестно баловать только одного! — шутливо возмутился Мэй Ханьцзюэ. — Мы тоже хотим за компанию!

Ворота терема распахнулись. Внутри всё покрылось вековой пылью, но убранство осталось нетронутым — комната до сих пор хранила праздничный вид свадебных покоев. С потолка свисали алые, расшитые золотыми нитями занавеси, на столе темнели бронзовые чарки, у зеркала сиротливо лежали так и не развёрнутые куски праздничного шелка, выстроились в ряд изящные серьги и шпильки, поблёкли изумрудные светильники.

Видимо, когда-то здесь навели порядок, начисто стерев любые следы прежней жизни. В полумраке заброшенных комнат пахло сыростью и тленом. Заметив, что Ли Сяохо направился к туалетному столику со шкатулками, Минну поспешил за ним.

Ли Сяохо приподнял лоскут истлевшей красной парчи, под которой обнаружились затвердевшие бруски благовоний. Минну заглянул ему за плечо — судя по всему, это были редкие и дорогие сорта. Он осторожно взял один тёмный кусочек и поднёс к лицу.

Запах оказался изысканным и сильным. В прошлой жизни, неотлучно находясь при Цзянь Сюэхэ, Минну часто ходил за свежим снежным ладаном, который так любил его господин, и за эти годы волей-неволей научился разбираться в тонкостях ароматов.

Когда Минну взял брусок, Ли Сяохо тут же потянулся к той же чашечке, вытащил ещё один кусочек и тоже втянул носом воздух.

Пальцы обоих окрасились в едва заметный багряный цвет — от времени лаковое покрытие шкатулки раскрошилось и теперь пачкало кожу при малейшем прикосновении.

Минну пересчитал чаши. Их оказалось всего пять.

Цзянь Сюэхэ, стоявший неподалёку, бесшумно приблизился. Он брал один брусок за другим и коротко, сосредоточенно вдыхал их аромат.

— Что-то не так? — заметив их оживление, подошёл Сунцзин.

— Это Благовоние Семи Поисков, — отозвался Цзянь Сюэхэ. — Набор должен состоять из семи видов редких трав и смол. Здесь не хватает двух.

— Возможно, за столько лет они просто затерялись, — предположил Фули.

Объяснение казалось вполне разумным, но Цзянь Сюэхэ молча отложил смолу и подошёл к резному курительному столику. Сняв крышку с изящной бронзовой курильницы, он заглянул внутрь — на самом доньшке синела горстка старой золы.

— В состав недостающих компонентов обязательно входит Зальная весна. Эта основа крайне чувствительна к солнечному свету, — негромко проговорил он.

Цзянь Сюэхэ чиркнул кремнем, высекая искру, и поднёс крошечное пламя к серому налёту на стенках курильницы. Но пепел остался мёртв — искры угасли, так и не вызвав никакого отклика в спящей золе.

Не улавливая сути его действий, Фули лишь покачал головой:

— Если при сборах не досчитались двух видов благовоний, в этом нет ничего странного. В нашем поместье благовония использует только молодой господин, для остальных это непозволительная роскошь.

— Слуги просто не умеют отличать одно от другого.

Цзянь Сюэхэ убрал кресало и ничего не ответил. Вместо этого он продолжил методично осматривать комнату, прощупал парчовые подушки, проверил ящички туалетного столика и даже отыскал потайное отделение в комоде.

В тайнике лежало несколько дорогих украшений. Покрутив их в руках и внимательно изучив клейма, юноша беззвучно вернул всё на свои места.

— Куда вы желаете направиться теперь? — спросил Фули. — В восточном крыле раньше жили господин и госпожа, сейчас те комнаты заперты. Молодой господин строго-настрого запретил кому-либо туда входить.

Сунцзин покосился в сторону южной части усадьбы:

— А кто занимает те покои на юге?

Лицо Фули помрачнело, выражая явное замешательство:

— Там сейчас живёт сам молодой господин. Но он тяжело болен, и я не смею тревожить его покой. Быть может, когда ему станет легче...

— Помимо этого, есть ли в усадьбе иные места, куда посторонним путь заказан? — осведомился Сунцзин.

Фули покачал головой:

— Более никаких запретов нет.

— Что ж, тогда мы осмотрим остальное сами. Можем ли мы рассчитывать на ночлег в вашем доме? — вежливо поинтересовался Сунцзин.

Минну в душе поразился исключительной наглости старшего брата. С виду Сунцзин всегда казался образцом скромности и благовоспитанности, однако сейчас выдвигал столь бесцеремонные требования с самым невозмутимым видом.

— Свободных дворов у нас предостаточно, — покладисто согласился Фули. — Если господа не побрезгуют скромным кровом, то, конечно, оставайтесь.

Поблагодарив за гостеприимство, Сунцзин позволил Фули проводить их до жилых комнат. Разместиться решили по двое, как и в прошлый раз.

Как только слуга удалился, Сунцзин выглянул в окно, оценивая положение солнца:

— До сумерек ещё далеко, так что мы вполне успеем.

— Идёмте за мной.

Минну с досадой посмотрел на свои пальцы, всё ещё испачканные багряной краской, а затем украдкой покосился на Ли Сяохо. У того руки были идеально чистыми.

— Брат Сунцзин, а куда мы направляемся? — спросил он.

— Я же обещал угостить тебя сладостями, помнишь? — улыбнулся тот.

Минну густо покраснел от смущения. Тихо угукнув, он понял, что старший брат собирается накормить лакомствами всю их честную компанию.

Вскоре они подошли к нарядной городской таверне.

Пышное двухэтажное здание из багряного дерева щеголяло затейливой резьбой по карнизам — узоры изображали змеиные кольца Змеиной Матери. Внутри царил весёлый шум, гости шумно пировали, а в воздухе висел густой, сладковатый аромат хмеля, кружащий голову.

— Брат Сунцзин, неужели ты решил угостить нас вином? — весело спросил Мэй Ханьцзюэ.

— Ещё чего, — фыркнул Сунцзин. — Кому из вас вообще можно прикладываться к чарке?

Он строго оглядел притихших юношей, задержав взгляд на Цзинь Линсяне:

— И не вздумайте пить втихаря, иначе несдобровать.

Ученики предпочли промолчать. Минну прекрасно понимал причину этого предупреждения: совсем недавно Цзинь Линсянь закатил роскошный пир, где хмельное лилось рекой.

Когда пришло время рассаживаться за столом, Минну на миг замешкался. Свободные места оставались подле Цзинь Линсяня и Цзянь Сюэхэ, а Ли Сяохо уже бесцеремонно занял сиденье ровно посередине.

После секундного колебания юноша примостился рядом с братом Хэ, оказавшись зажатым между ним и Ли Сяохо.

Сидевший напротив Цзинь Линсянь на мгновение замер. Его взгляд скользнул по плечу Минну, задержался на его лице и плавно вернулся к чашке с чаем.

Пока Сунцзин делал заказ подошедшему слуге, Минну слегка наклонился к Ли Сяохо и шёпотом спросил:

— Когда ты успел стереть краску с пальцев? Я и не заметил.

Ли Сяохо одарил его коротким взглядом из-под маски:

— По дороге.

Вскоре расторопный трактирщик принёс на подносе исходящие паром сладости. Сунцзин пододвинул тарелку поближе к юноше.

— Это для тебя, Минну. Отведай, хороша ли стряпня в здешних краях.

В своей прошлой жизни Минну почти не пробовал дорогих яств — разве что изредка видел их на подносах, которые подавали Цзянь Сюэхэ. Стоящие перед ним сласти «Зелень Цзиньлина» выглядели как настоящее произведение искусства. Их тончайшие узоры требовали кропотливой работы мастера, а от самой тарелки исходил нежный, сладковатый аромат свежего теста.

От радости и смущения щёки юноши залил румянец.

— Старший брат, мне просто повезло, — неловко пробормотал он.

— Удача — тоже часть мастерства, — добродушно усмехнулся Сунцзин. — Ешь, пока не остыло.

Минну аккуратно взял пышное лакомство, выполненное в форме раскрытого бутона лотоса, и робко откусил с краю. Внезапно он почувал, что за столом повисло странное молчание. Подняв глаза, он обнаружил, что все без исключения смотрят прямо на него.

Сунцзин первым не выдержал и негромко рассмеялся:

— Ох, Минну... Эти сладости называют «Зеленью Цзиньлина». То, что ты сейчас откусил — всего лишь защитная верхняя корочка. Её не едят.

Лицо Минну вспыхнуло до самых ушей. Он замер с надкушенным лотосом в руке, совершенно потерявшись от стыда. Но не успел он окончательно сгореть со стыда, как сидящий рядом юноша протянул руку.

Минну заметил лишь край алого рукава. Цзянь Сюэхэ спокойно взял с тарелки целую сладость и кончиками палочек ловко очистил её от внешней жесткой глазури, обнажая нежную, сочную сердцевину, пронизанную золотистыми медовыми нитями.

После чего молча переложил очищенный лотос в чашу Минну.

Цзянь Сюэхэ не проронил ни слова. Но Минну готов был провалиться сквозь землю — краска залила его лицо до самых мочек ушей. Под негромкий смех Сунцзина и шутливые замечания Мэй Ханьцзюэ он растерянно тыкал палочкой в дно чаши, катая сладкий кусочек туда-сюда.

— Наш великий мечник Сюэхэ хоть и суров на вид, а брата бережёт пуще глаза, — заговорщицки подмигнул Мэй Ханьцзюэ.

Минну внимательно запомнил каждое движение брата Хэ. Пытаясь скрыть смущение, он упрямо принялся обдирать глазурь с собственного надкушенного лотоса и принялся тихонько жевать его, стараясь ни на кого не смотреть.

Неловкость вскоре улеглась, и Сунцзин заговорил о деле.

— Ну что, успели что-нибудь заметить во время осмотра? — спросил он, понизив голос. — Ночью, когда вернёмся в Поместье Чжэн, поделимся.

Минну заметил, что, пока они беседуют, Ли Сяохо пытается есть. Почти все, за исключением безучастного Цзянь Сюэхэ, то и дело косились на него. Но глухая маска сидела на его лице так плотно, что разглядеть хоть что-то было совершенно невозможно.

— Шпильки в шкатулке второй госпожи... — негромко обронил Ли Сяохо. — Яшмовые вставки на них — дешёвая охрана.

Семья Чжэн явно не знала нужды. Откуда в их свадебных покоях взяться подделкам? Тут крылись две возможности: либо дорогие камни подменили слуги, либо хозяева изначально пошли на обман.

— Те два недостающих вида благовоний чрезвычайно ценятся сами по себе. Если их продать по отдельности, можно выручить немало золота. Скорее всего, это дело рук прислуги, — подал голос Цзянь Сюэхэ.

— Значит, челядь творит в усадьбе всё, что им вздумается? — Сунцзин многозначительно сощурился, глядя на мечника. — Ты клонишь к тому, что...

— Да, — бесстрастно подтвердил Цзянь Сюэхэ. — Слуги заранее знали, что вторая госпожа здесь надолго не задержится.

— Впрочем, пока это лишь догадки. Никаких улик у нас нет.

— Тем лучше, — подытожил Сунцзин. — Сегодня ночью мне нужно прояснить одно обстоятельство, и ваша помощь придётся как нельзя кстати.

— Брат Сунцзин, когда мы отправлялись сюда, ты не предупреждал, что мы можем сгинуть без вести, — шутливо пожаловался Мэй Ханьцзюэ. — Если мы суем свой нос в эти тайны, не прикончит ли нас местная нечисть прямо сегодня?

Сунцзин мягко улыбнулся:

— Вам это точно не грозит. Но то, что мы найдём, должно остаться в строжайшем секрете. Я и сам узнал об этом лишь сегодня.

Кое о чём старший брат предпочёл умолчать. Он окинул взглядом сидящих перед ним юношей.

Мэй Ханьцзюэ с самым беспечным видом потягивал чай, явно не принимая опасность всерьёз. Наследный принц Цзиньлина, Цзинь Линсянь, задумчиво смотрел в окно — его явно занимали куда более интригующие вещи. А Цзянь Сюэхэ, облачённый в алые одежды, застыл точно грозный Маленький Янь-ван. Вся его фигура дышала ледяным спокойствием, однако едва заметная складка меж бровей выдавала глухое раздражение, а взгляд то и дело возвращался к сидящему подле него юноше.

А сам Минну с крошечным мечом за спиной прилежно уплетал сладкое тесто. Наклонив голову, он тихонько перешёптывался с безмолвным Ли Сяохо. Один — во всём белом, другой — в глухом чёрном одеянии, они сидели так близко, что напоминали парочку очаровательных круглых рисовых колобков.

— Как мы разделимся на ночь? Снова парами, как прежде? — спросил Мэй Ханьцзюэ.

Обычно неразговорчивый Ли Сяохо вдруг глухо произнёс:

— Старший брат Сунцзин, я пойду с Цзянь Минну.

— Вообще-то я хотел отправить Минну вместе с Сюэхэ, — Сунцзин с намёком посмотрел на юношу. — Ну так что, Минну? С кем бы ты предпочёл остаться?

<http://bllate.org/book/20439/2167359>